

ДИЛОГИЯ ПТИЦА МАЛАЯ

1 ПТИЦА МАЛАЯ

2 ДЕТИ БОЖИИ

MARY DORIA RUSSELL

CHILDREN
OF GOD

МЭРИ ДОРИА РАССЕЛЛ

ДЕТИ БОЖИИ

FAN|ZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P24

Mary Doria Russell
CHILDREN OF GOD

Copyright © 1998 by Mary Doria Russell

This translation published by arrangement with Villard Books, an imprint
of Random House, a division of Penguin Random House LLC

Fanzon Publishers
An imprint of
Eksmo Publishing House

Перевод *Юрия Соколова*

Дизайн *Елены Куликовой*

В оформлении обложки использован фрагмент фрески работы
Джотто ди Бондоне

Расселл, Мэри Дориа.

P24 Дети Божии / Мэри Дориа Расселл ; [перевод с английского
Ю. Соколова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 608 с.

ISBN 978-5-04-182082-4(оф. 1)

ISBN 978-5-04-203659-0(оф. 2)

Возвращение на Землю не принесло покой душе отца Эмилио Сандоса. Несмотря на ужасные финал экспедиции на планету Ракхат, Общество иезуитов планирует новую миссию к альфе Центавра. Ватикан обращается за помощью к отцу Эмилио, и тот, против воли и преодолевая страх, соглашается. Вооружившись поддержкой старых друзей, он отправляется к новым открытиям. Ради будущего детей, которые рождены за пределами Солнечной системы, ему предстоит бороться с собственным разумом и верой.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-182082-4(оф. 1)
ISBN 978-5-04-203659-0(оф. 2)

© Ю. Соколов, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2024

*Кейт Суини и Дженнифер Такер —
сестрам души моей*

ПРЕЛЮДИЯ

ВЗМОКНУВ, ПОДАВЛЯЯ ОЧЕРЕДНОЙ ПРИСТУП дурноты, падре Эмилио Сандос сидел на краю постели, пряча лицо в том, что осталось от его ладоней.

Многие моменты жизни давались ему сложнее, чем он ожидал. Например, он не сумел сойти с ума. Или умереть. «Как я еще способен жить», — удивлялся он — не столько из философских соображений, сколько из глубочайшего негодования, вызванного состоянием собственного организма и исключительной цепью неудач, поддерживавших в нем жизнь, хотя на самом деле он желал одного — смерти.

— Что-то должно уйти из моего тела, — шептал он по ночам в тихой келье, — или рассудок, или душа...

Поднявшись на ноги, он заходил по своей каморке, засунув искалеченные руки под мышки, чтобы на ходу не ушибить пальцы. Не имея более сил терпеть эту тьму, не имея возможности изгнать из памяти кошмарные воспоминания, он тронул локтем выключатель и наконец-то увидел перед собой предметы реальные: кровать, скомканные и пропитанные потом простыни; деревянное кресло; небольшой простой комод с ящиками. Пять шагов, поворот, пять шагов в обратную сторону. Почти такая же, как его каморка на Ракхате...

В дверь постучали, он услышал голос брата Эдварда Бера, спальня которого находилась за стенкой, и он всегда слышал полуночные прогулки Сандоса.

— С тобой все в порядке, патер? — негромко спросил Эдвард.

«Это со мной-то? — Сандосу хотелось заорать. — Иисусе! Я в ужасе... я калека... все те, кого я любил, погибли...»

Однако Эдвард Бер, стоявший в коридоре у двери Сандоса, услышал другое:

— Со мной все в порядке, Эд. Успокоиться не могу. Все в порядке.

Брат Эдвард вздохнул, не испытывая удивления. Уже почти год, днем и ночью, он исполнял обязанности сиделки при Эмилио Сандосе. Он ходил за его изувеченным телом, молился за него, не веря своим глазам, и со страхом наблюдал за тем, как подопечный мучительно продвигался от полной беспомощности к элементарному владению собственным телом. И посему, топая вперевалку по коридору в сторону кельи Сандоса, он заранее знал, что услышит только обычный успокоительный ответ на бесполезный вопрос.

— Прошлое покинет тебя не сразу. — Брат Эдвард предупредил Сандоса еще несколько дней назад, сразу же после кошмарного признания. — Ты не сможешь быстро изжить из себя все, что было.

И Эмилио согласился с ним.

Возвратившись в свою постель, Эдвард взбил подушку и скользнул под покрывало, прислушиваясь к шагам за стеной. Одно дело — знать правду, подумал он... а вот жить, зная ее, — дело совсем другое.

Отец-генерал Общества Иисуса, обитавший в комнате, расположенной в точности под каморкой Сандоса, также слышал внезапный сдавленный крик, оповещающий о прибытии инкуба, властвовавшего над ночами Эмилио. В отличие от брата Эдварда, Винченцо Джулиани более не вставал по ночам для того, чтобы предложить Сандосу не приветствовавшуюся им помощь, однако память его сохранила те возбуждение и ужас, ту безмолвную мольбу за власть над самим собой.

Месяц за месяцем, председательствуя над предпринятым Обществом расследованием причин неудачи первой послан-

ной иезуитами миссии на Ракхат, Винченцо Джулиани сохранял уверенность в том, что, если вынудить Эмилио Сандоса рассказать о том, что именно и как произошло с людьми на чужой планете, вопрос так или иначе сам собой разрешится и Эмилио обретет хотя бы какое-то душевное спокойствие. Отец-генерал, как администратор и как священник, полагал, что Обществу Иисуса и самому Сандосу необходимо обратиться к фактам. И посему, методами прямыми и косвенными, средствами добрыми и жестокими, лично и с помощью братии, он привел Эмилио Сандоса к тому мгновению, когда произнесенная истина могла освободить его.

Сандос сопротивлялся на всех этапах этого пути: ни один священник, какова ни была бы нужда, не готов покуситься на чужую веру. Однако Винченцо Джулиани питал искреннюю уверенность в том, что способен найти ошибку и исправить ее, понять и простить неудачу, услышать признание в грехе и отпустить его.

Не был готов он лишь к одному: к полной невинности Сандоса.

— Знаете, что я думал перед тем, как меня поимели в первый раз? Что я в руках Бога, — сказал Эмилио в тот золотой августовский день, когда сопротивление его разлетелось вдребезги. — Я любил Бога и верил в Его любовь. Правда, забавно... Я отбросил всяческую защиту. Между мной и происходящим не было ничего, кроме любви Бога. И меня изнасиловали. Я был наг перед Богом, и меня изнасиловали.

«Что же такое сгнило в нас, людях, что мы с готовностью верим всему плохому, что слышим от других? — думал Джулиани в ту ночь. — Что заставляет нас с такой жадностью впитывать хулу?»

«Прорехи собственного идеализма, — подозревал он. — Мы разочаровываемся в себе и ищем по сторонам других неудачников для того лишь, чтобы убедиться в том, что не одни».

Эмилио Сандос не был безгрешен; он сам признавал, что виновен во многих грехах, и все же...

— Если Бог вел меня шаг за шагом по дороге любви к Нему и если признать, что все красоты и восторги были подлинными

и реальными, тогда и все прочее происходило по воле Бога, и это, господи, весьма прискорбно, — сказал тогда им Сандос. — Но если я всего лишь обманувшаяся обезьяна, слишком серьезно воспринявшая сборник старинных сказок, тогда я сам навлек все эти горести на себя и своих спутников. Проблема с атеизмом в данной ситуации заключается в том, что мне некого презирать в этой ситуации, кроме себя самого. Однако если я приму сторону тех, кто считает, что Бог зол, то могу утешиться праведной ненавистью к Нему.

«Если Сандос был сбит с толку, — думал Винченцо Джулиани под звук не прекращавшейся наверху ходьбы, — то что есть я? А если нет, что есть Бог?»

НЕАПОЛЬ

Сентябрь 2060 года

СЕЛЕСТИНА ДЖУЛИАНИ УЗНАЛА, ЧТО значит слово «клевета», на крещении своего кузена. Именно это слово запомнилось ей на празднике, ну и мужчина, который плакал.

В церкви было хорошо, пение ей нравилось, но младенца самым нечестным образом нарядили в платьице самой Селестины, и это было несправедливо. Никто не спросил у нее разрешения, хотя ей самой не разрешалось брать вещи без спроса.

Мама объяснила ей, что всех младенцев семьи Джулиани крестят в этом платьице, и указала на каемку, на которой уже было вышито имя Селестины.

— Вот, смотри, дорогая! Вот твое имя, вот имя твоего папы, вот имя тети Кармеллы, а вот имена твоих кузенов — Роберто, Анамари, Стефано. Теперь настала очередь нового младенца.

Селестина находилась не в том настроении, чтобы ее можно было уговорить. «Этот младенец похож на дедушку в платье невесты», — рассердилась она.

Соскучившись во время обряда, Селестина начала махать руками, кивать головой, смотреть, как будет выглядеть ее платье, если юбку закрутить с одной стороны на другую, время от времени поглядывая на человека с машинками на руках, одиноко стоявшего в уголке.

— Он тоже священник, как и Дон Винченцо, он — американский кузен дедушки Джулиани, — объяснила ей утром мама, перед тем как они отправились в церковь. — Он болел

очень долго, пальцы плохо слушаются его, и эти машинки помогают им двигаться. Только не надо глазеть на него, *carissima*¹.

И Селестина не глазела. Только часто поглядывала.

Мужчина не слишком интересовался младенцем, как все остальные, и, когда она однажды посмотрела в его сторону, заметил ее взгляд. Машинки на его руках были очень страшными, но человек — нет. Большинство взрослых улыбались — одними лицами, но глаза их говорили: иди, девочка, подальше, играть. Непонятный человек тоже улыбался, но не лицом, а глазами.

Младенец надрывался и надрывался, а потом Селестина почувствовала запахок.

— *Мамма!* — вскричала девочка в ужасе. — Этот младенец обкакался...

— Тише, *cara!* — громко прошептала ее мать, и все взрослые рассмеялись, даже Дон Винченцо, так же как и человек с машинками, облаченный в длинное черное одеяние и поливавший младенца водой.

Наконец обряд закончился, и все вышли из темной церкви на яркий солнечный свет.

— Но, *мамма*, младенец действительно обкакался! — настаивала на своем Селестина, пока они спускались по лестнице и ждали, чтобы шофер подал машину. — Прямо в моем платье! Теперь оно будет грязным!

— Селестина, — укорила ее мать, — с тобой тоже случались подобные вещи! К тому же на младенце подгузник, как и тогда на тебе.

Селестина в недоумении открыла рот. Все взрослые вокруг хохотали, кроме человека с машинками, остановившегося возле нее и присевшего, отражая на лице ее недоумение и возмущение.

— Это клевета! — воскликнула она, повторяя подсказанные им на ухо слова.

— Чудовищная напраслина! — полным негодования тоном подтвердил он, вновь вставая, и пусть Селестина не поняла ни

¹ Дорогая (*итал.*).

одного слова, то все же ощутила, что он на ее стороне, единственный среди хохочущих взрослых.

После этого все они отправились к тете Кармелле. Селестина съела пирожное, попросила, чтобы дядя Паоло покачал ее на качелях, и выпила газировки, что было вообще уже роскошью, потому что газировка не укрепляет кости и ей разрешали пить ее только на семейных праздниках. Потом подумала, не стоит ли поиграть с кузинами, однако все они были старше и Анамария всегда хотела быть мамой, так что Селестине всегда доставалась роль младенца, а это было скучно. Так что она попробовала потанцевать на кухне, пока бабуля не похвалила ее, а *мамма* не посоветовала девочке навестить морских свинок.

Когда она начала капризничать, *мамма* отвела ее в заднюю спальню и посидела с ней, что-то напевая. Селестина почти уснула, когда ее мать достала платок и сморкнулась.

— А почему не приехал папа? — спросила она.

— Он занят делами, *cara*, — объяснила дочери Джина Джулиани. — Спи.

* * *

РАЗБУДИЛИ ЕЕ ЗВУКИ ПРОЩАНИЯ: кузены и кузины, дяди и тети, бабушки и дедушки и друзья расходились, обмениваясь друг с другом и родителями малыша *ciaos* и *buonafortunas*¹. Селестина встала, сходила на горшок, что напомнило ей о клевете, и направилась в сторону лоджии, надеясь на то, что ей разрешат взять несколько воздушных шариков домой. Новокрещеный младенец Стефано старательно голосил.

— Понимаю, понимаю тебя, — говорила ему тетя Кармелла. — Трудно не попрощаться со всеми родными после такого замечательного дня, но праздник заканчивается.

Понимая неотложность ситуации, дядя Паоло просто с улыбкой взял Стефано на руки.

И посреди всего шума и суеты никто из взрослых не заметил, что Селестина стоит в дверях. Ее мать помогала тете Кар-

¹ «Пока» и «удачи» (итал.).

мелле убирать посуду. Ее дед и бабушка во дворе прощались с гостями. Внимание всех прочих было обращено на Стефано, заливавшегося плачем и мужественно сопротивлявшегося чужой воле, но полностью бессильного в руках отца, извинившегося за поднятый шум. Одна только Селестина заметила, что выражение лица дона Винченцо переменилось. Это произошло, когда она посмотрела на мужчину с машинками на руках и заметила, что он плачет.

Селестина видела, как плачет мать, но она не знала, что мужчины тоже плачут. Это испугало девочку, во-первых, потому что она еще не видела ничего подобного, а еще потому что она проголодалась и, в-третьих, потому что ей нравился этот человек, ставший на ее сторону, а кроме того, потому что даже плакал он не так, как остальные, — с открытыми глазами и спокойным лицом, и только слезы текли по коже.

Хлопнули дверцы автомобиля, Селестина услышала, как захрустел гравий под колесами, и в этот момент ее мать отвернулась от стола. Улыбка на лице Джины померкла, когда она проследила за направлением взгляда дочери. Посмотрев в сторону двоих священников, Джина что-то негромко сказала своей золовке. Кивнув ей, Кармелла на пути в кухню подошла к дону Винченцо со стопкой тарелок.

— В спальню в конце коридора, наверное? — предложила она. — Вас там никто не потревожит.

Селестина отступила в сторону, позволяя пройти дону Винченцо, взявшему за руку плачущего человека и поведшего его к двери лоджии и в сторону комнаты Кармеллы.

— Значит, так оно и было? — Селестина услышала голос дона Винченцо, проходившего мимо нее. — Они развлекались, а вы страдали?

Селестина последовала за ними, вышитые носочки шелестели при каждом ее шаге, и заглянула в оставшуюся приоткрытой щелку. Мужчина с машинками сидел в кресле в углу.

Дон Винченцо стоял неподалеку и, ни слова не говоря, смотрел в окно — в сторону вольера Сесе. А вот это нехорошо, подумала Селестина. Значит, дон Винченцо — нехороший! Ей

было неприятно, и она заплакала, но никто не обратил внимания, потому что они сказали, что она глупенькая.

Мужчина заметил ее сразу же, как только она вошла в комнату, и вытер лицо рукавом.

— Что случилось? — проговорила она, подходя ближе. — Почему ты плачешь?

Дон Винченцо начал что-то говорить, но мужчина качнул головой:

— Ничего не случилось, *cara*. Просто... просто я вспомнил... вспомнил, как некоторые люди очень плохо обошлись со мной.

— А что случилось?

— Они... сделали мне больно... Но это произошло очень давно, — успокоил он девочку, уже смотревшую на него круглыми от страха глазами: неужели такие плохие люди находятся сейчас в доме, — когда ты была совсем маленькой, но иногда я вспоминаю это.

— А тебя потом поцеловали?

— *Mi scuzi*¹. — Мужчина заморгал, услышав эти слова, и дон Винченцо на мгновение напрягся.

— Чтобы у тебя больше ничего не болело? — пояснила она.

Человек с машинками на руках улыбнулся и посмотрел на девочку очень ласковыми глазами.

— Нет, *cara*. Никто не поцеловал меня, чтобы у меня ничего больше не болело.

— Я могу тебя поцеловать.

— Это было бы очень хорошо, — ответил он самым серьезным тоном. — Думаю, что твой поцелуй поможет мне.

Потянувшись, она поцеловала его в щеку. Роберто, кузен Селестины, которому уже исполнилось девять, говорил, что целоваться глупо, но Селестина знала лучше.

— Это новое платье, — сказала она мужчине. — Я пролила на него какао.

— Оно все равно хорошенькое. И ты тоже.

— У Сесе малыши. Хочешь посмотреть на них?

¹ Прошу прощения? (*итал.*)